

- ²⁵ Последние часы жизни императора Николая Первого. СПб., 1855. С. 12-14.
- ²⁶ Тютчева А.Ф. Указ. соч. С. 89-90.
- ²⁷ Там же. С. 86.
- ²⁸ Татищев С. Указ. соч. Т. 1. С. 135.
- ²⁹ Фредерике М.П. Указ. соч. С. 481.
- ³⁰ Дубельт Л.В. Указ. соч. С. 269.
- ³¹ Барсуков Н. Указ. соч. Кн. XIII. С. 388.
- ³² Тютчева А.Ф. Указ. соч. С. 96.
- ³³ Барсуков Н. Указ. соч. Кн. XIII. С. 393.
- ³⁴ РГИА, ф. 479, оп. 1, д. 741, л. 2, 6.
- ³⁵ Там же, д. 742, л. 5.
- ³⁶ Тютчева А.Ф. Указ. соч. С. 94-97.
- ³⁷ Мещерский В.П. Указ. соч. Ч. 1. С. 36.
- ³⁸ Фредерике М.П. Указ. соч. С. 481.
- ³⁹ Мещерский В.П. Указ. соч. Ч. 1. С. 36.
- ⁴⁰ Пеликан. Во второй половине XIX века // Голос минувшего. 1914. № 2. С. 119.
- ⁴¹ Профессора Военно-медицинской (медико-хирургической) академии. 1798—1998. СПб., 1998. С.
- 50.
- ⁴² Николаев В. Александр II - человек на престоле. Мюнхен, 1986. С. 223.
- ⁴³ Нахапетов Б.А. Лейб-медики российских императоров // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 111.
- ⁴⁴ Дубельт Л.В. Указ. соч. С. 140.
- ⁴⁵ Яковлева А.И. Воспоминания бывшей камер-юнгферы императрицы Марии Александровны // Исторический вестник. 1888. № 2. С. 413.
- ⁴⁶ Профессора Военно-медицинской (медико-хирургической) академии. С. 126.
- ⁴⁷ Шмигельский. М. Исторический очерк кафедры госпитальной терапевтической клиники императорской Военно-медицинской академии (1840-1897 гг.). Дис. на степень докт. медицины. СПб., 1897. С. 89.
- ⁴⁸ Фредерике М.П. Указ. соч. С. 481.
- ⁴⁹ П е л и к а н. Указ. соч. С. 118-119. ⁵⁰ Шмигельский М. Указ. соч. С. 86.
- ⁵¹ Фредерике М.П. Указ. соч. С. 481.
- ⁵² Там же.

© 2001 г. Д.О. ЧУРАКОВ *

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОТЕСТ РАБОЧИХ В 1918 ГОДУ

Проблематика рабочего протестного активизма¹ в период становления и развития Советского государства представляет собой немалый интерес. В последние годы, по мере развития еще немногочисленных очагов современного рабочего движения, она приобретает и общественную значимость, и актуальность. Как известно, в СССР рабочий класс являлся "титутельным" классом, но несмотря на это в отношениях между ним и Советской властью периодически наступали периоды охлаждения. Каким образом большевикам удавалось преодолеть их? Этот вопрос звучит очень современно, поскольку сегодня взаимосвязи между государством и его гражданами и целыми социальными группами слабы и как никогда близки к полному разрыву. Что может последовать за этим в условиях России, достаточно очевидно.

К сожалению, проблема рабочего активизма в советский период исторической наукой исследована явно не достаточно. Советские историки, как правило, касались этой

*Чураков Дмитрий Олегович, кандидат исторических наук, доцент Московского педагогического государственного университета.

темы бегло и неохотно. В основном ее затрагивали в связи с политической борьбой большевиков с меньшевиками и эсерами в профессиональных союзах². Лишь эпизодически рассматривались вопросы, связанные с участием рабочих в антибольшевистских вооруженных восстаниях, оппозиционных пролетарских организациях, стачках и других формах протеста³. Шире эти выступления освещались эмигрантской историографией, но и этим работам были свойственны все та же политизация и фрагментарность изложения⁴. Современные исследователи существенно восполнили существовавшие прежде пробелы⁵. Но и сегодня до глубокого и всестороннего изучения рабочего активизма в 1918 г. еще далеко⁶. Показателен в этом отношении сборник документов, материалов и аналитических обзоров "Трудовые конфликты в Советской России 1917-1929 годов", вышедший в 1998 г. В его подготовке принимали участия такие видные историки рабочего движения, как Ю.И. Кирьянов, У. Розен-берг, Д. Кенкер, С.И. Потолов и др. Книга эта может считаться как приглашением к дальнейшему научному поиску, так и определенным подведением итогов достигнутого. В этой связи обращают на себя внимание два обстоятельства.

Во-первых, события собственно 1918 г. как в авторских обзорах, так и в документальном разделе сборника представлены во многом фрагментарно. То же самое мы видим и в большинстве других появившихся в последние годы работ, авторы которых исследуют проблематику протестных настроений рабочих. В соответствующих монографиях и статьях наибольшее внимание уделяется выступлениям рабочих в 1919 г., а также в более позднее время. Причина этого в том, что положение в рабочем движении в 1918 г. было крайне противоречивым и весьма хаотично отражено в сохранившихся источниках. Во-вторых, составители сборника "Трудовые конфликты в Советской России" и большинство других современных историков не склонны, по всей видимости, выделять время с ноября 1917 до середины 1918 г. в качестве особого периода в становлении протестного рабочего движения, определяя в качестве рубежа 1921 год, отделяющий период "военного коммунизма" от периода нэпа.

Во многом такой подход оправдан. И все же первые месяцы существования Советского государства можно и нужно рассматривать в качестве самостоятельного, имеющего свою специфику периода. Экономическая политика Советской власти в то время менялась практически постоянно. Внутри периода, охватывающего конец 1917 -начало 1918 г., вполне можно выделить не один специфический подпериод, когда решались разные насущные задачи и применялись различные методы для их реализации. Переход к развернутой, форсированной национализации промышленности означал появление качественно нового содержания в экономической политике большевиков. Поэтому рубеж середины 1918 г. следует считать столь же важным, как и весну 1921 г.

Верно это замечание и применительно к вопросу о взаимоотношениях между новым революционным режимом и рабочим классом страны. Если в 1919-1921 гг. рабочее движение развивалось в рамках организаций, полностью подконтрольных партии большевиков и Советскому государству, то в 1918 г. ситуация была совершенно иной. В тот период еще сохранялась определенная независимость таких рабочих организаций, как собрания уполномоченных фабрик и заводов, а также профсоюзы, фабзавкомы, рабочая кооперация и отряды Красной гвардии. Да и сами Советы еще не везде и не до конца были подчинены большевиками. Курс на огосударствление, который новая власть избрала для себя в качестве основного подхода к решению рабочего вопроса, в начале 1918г. проводился еще непоследовательно и не успел зайти достаточно далеко. Как самостоятельный период рабочего движения 1918 г. рассматривается в документальном сборнике, увидевшем свет в 2000 г. в северной столице. Но в нем применительно к 1918 г. был сделан упор на организованные формы рабочего протеста. Однако период 1918 г. был временем, когда еще не улеглись те настроения, которые во многом определяли социальное поведение рабочих в 1917 г., и часто рабочий протест тогда являлся стихийным⁷.

В чем и как проявилась специфика этого этапа рабочего движения, можно увидеть,

разбирая контрольные случаи рабочего активизма первой половины 1918 г. Взаимоотношения между рабочим классом и Советским государством строились тогда под влиянием нескольких факторов. Наиболее мощный импульс был дан принятием Положения о рабочем контроле (14 ноября 1917 г.) и других декретов, серьезно изменивших роль рабочих в системе "власть-общество". Рабочие получили возможность влиять на выработку государственного курса и на изменение собственного материального положения. Не в последнюю очередь именно позиция трудовых коллективов давала тогда толчок к национализации предприятий. Государство передоверило рабочим организациям решение и такой сложной проблемы, как демобилизация промышленности. Фактически в руки самих рабочих временно перешло решение вопросов о размерах и формах выдачи заработной платы, материального снабжения и др.⁸ Начала разворачиваться система социального страхования⁹.

Однако постепенно трудности, переживаемые страной, стали сказываться и на взаимоотношениях Советского государства с его социальной базой. Страна находилась в тяжелейшем экономическом положении. Сначала трудности эти были усугублены мировой войной, а затем переходом от войны к миру. Нарастали сложности, связанные с расстройством хлебного рынка, финансовой и налоговой системы. Не прекращалась политическая борьба, в том числе и борьба за влияние на рабочих. К германской интервенции добавилась интервенция бывших союзников, недовольных попытками России выйти из мировой войны. Можно сказать, что с весны 1918 г. союзники берут на вооружение прежний большевистский лозунг "Превратим войну империалистическую в войну гражданскую" и успешно реализуют его.

Ухудшение экономической ситуации в стране заставляло правительство предпринимать чрезвычайные, часто непродуманные и непопулярные меры. Изменения происходят и в настроениях рабочих. Свою активность они направляют прежде всего на создание и укрепление органов своего самоуправления - фабзавкомов, профсоюзов, рабочей кооперации, органов рабочего контроля. Но здесь рабочие сталкиваются с интересами нового государства. Как раз к середине 1918 г. завершается процесс его стабилизации, и государство начинает заявлять о своих правах в отношениях и с отдельными гражданами, и с общественными институтами. Кроме того, бунтарская стихия, разраставшаяся на протяжении всего предшествующего времени, давала знать о себе и в рабочей среде. Все это обуславливало вовлечение многих рабочих не только в созидательные, но и в деструктивные, протестные действия. Тем самым общее повышение рабочей активности в 1918 г. вело к росту не только рабочей самоорганизации, но и рабочего протеста, направленного теперь уже не на прежних хозяев, а на новую, революционную власть.

Первые серьезные трения между рабочими и Советским государством возникли в связи с судьбой Учредительного собрания. В подавляющем большинстве рабочие поддержали позицию большевиков и левых эсеров по отношению к этому органу или, во всяком случае, остались равнодушными к его разгону¹⁰. Вместе с тем были и такие представители рабочего класса, которые не только вышли на демонстрации 5 и 9 января 1918 г. в поддержку Учредительного собрания, но и готовы были к более решительным действиям. В.М. Чернов вспоминал, например, приглашение рабочих Семяниковского завода перенести дальнейшие заседания Учредительного собрания в его стены. Предполагалось, что при этом последует демонстративное заявление о том, что Учредительное собрание не признает за Совнаркомом право на роспуск и отдает себя под защиту пролетарского Петрограда¹¹.

Радикализм этой части рабочих был в чем-то спровоцирован действиями самих властей. К примеру, ударной силой сторонников учредительной демократии выступали печатники. Вряд ли будет ошибкой предположить, что на их позицию повлияла не только агитация правых социалистов, но и ограничения свободы оппозиционной печати. Для печатников это означало еще и вполне конкретные материальные потери. Поэтому в воззвании, выпущенном от имени меньшевистских и эсеровских руководителей рабочих-печатников мотивы протеста против насилия со

стороны большевиков "над волею всего народа" были ключевыми. Печатники считали, что рабочий класс сможет бороться за свои права в рамках парламентских процедур в Учредительном собрании¹².

Особое недовольство вызывало у рабочих всех профессий то, что основными жертвами разгона демонстрации 5 января стали именно они, а не представители имущих классов. Так же широко комментировался тот факт, что исполнителями воли Совнаркома стали рабочие-красногвардейцы. Подчеркивалось, что для разгона демонстрантов власти "даже милицию отстранили, не доверяя ей, не надеясь на нее, и заменили Красной гвардией". Особую роль в вовлечении рабочих в протесты против разгона Учредительного собрания сыграло то обстоятельство, что расстрел демонстрации случился незадолго до очередной годовщины событий 9 января 1905 г.¹³

Нелестные для большевиков параллели были очевидны тогда многим, тем более что оппозиция всячески отрицала факт выстрелов со стороны демонстрантов и даже наличие у них агрессивных планов. В листовке, выпущенной по итогам событий 5 января ЦК ПСР, ЦК РСДРП(о) и ЦК трудовиков, говорилось, что все факты о стрельбе и взрывах, устроенных манифестантами, - сознательная ложь большевиков. В листовке утверждалось, что "не только ни одного выстрела не раздалось из среды демонстрантов, но ни одного камня, ни одного снежка не было брошено. Ничего не было сделано, чтобы дать повод солдатам и красногвардейцам применить оружие"¹⁴.

Аналогичные по природе и накалу события происходили тогда не только в столичных городах. Так, уже в начале января 1918 г. нависла угроза стачки железнодорожников Тулы. Поводом для выступления явилось убийство большевиком Кажариновым железнодорожников Илларионова и Сошникова. По почину тульского Совета железнодорожников 14 января 1918 г. состоялось собрание протеста мастеровых, рабочих и служащих ст. Тула, на которой работали убитые. Но отряды Красной гвардии по распоряжению Тульского ВРК разогнали его. На этот раз обошлось без жертв. Однако Союз железнодорожников призвал продолжать стачку до тех пор, пока Кажаринов не будет арестован. В своем воззвании железнодорожники писали: "Лгут и совершают величайшее преступление те люди, которые говорят вам, будто у нас происходит классовая война и что во имя этой войны можно убивать и арестовывать людей. Расстреливают уже не буржуев, не капиталистов, а нас, рабочих и крестьян. Мы уже убиваем друг друга, товарищи и граждане. Это - не классовая война. Это - поголовное истребление"¹⁵.

Определенный подъем массовых выступлений рабочих приходится на вторую половину февраля. Его непосредственной причиной историки называют успешное германское наступление, последовавшее после демарша Троцкого на Брестских переговорах. В те дни после полученных известий о ситуации на фронте столицу охватила паника. Поползли зловещие слухи о предстоящей эвакуации правительства. Властям практически никто не хотел верить, в том числе и рабочие. После взятия немцами Пскова на заводах стали звучать требования выдачи зарплаты за месяц и более вперед, причем в ряде случаев Совет коммуны Петрограда шел им навстречу¹⁶. Многие стремились покинуть обреченный, как тогда представлялось, город. Часто волнения в рабочей среде провоцировались действиями самих властей, не сумевших должным образом организовать работу по эвакуации предприятий, рабочих и их семей в глубинные районы страны, что подпитывало слухи о предательстве¹⁷. Мартовское обострение рабочего активизма носило скоротечный и локальный характер и мало отразилось на общей динамике массовых выступлений рабочих в целом по стране. Вместе с тем лозунги, связанные с осуждением Брестского мира, становятся с этого времени чуть ли ни центральными во всех выступлениях оппозиции в рабочих аудиториях¹⁸.

Новый подъем массовых выступлений рабочих приходится на весну 1918 г. Так, резко конфликтная ситуация сложилась в апреле на заводе бр. Бромлей в Москве. Рабочие-бромлеевцы протестовали против экономической политики правительства и,

по сообщению местного завкома, среди них с каждым днем росло "сильное контрреволюционное движение". Завком обращался в Совет с просьбой прислать своих агитаторов: "Мы ждем... выступления чуть ли не на улицу и мы одни не в силах сдерживать рабочую массу"¹⁹. На тот же момент приходится новый всплеск протестов со стороны печатников ЦПР²⁰, поскольку нажим большевиков на оппозиционную печать существенно ослаблял их профессиональные организации и увеличивал безработицу. "Борьба большевиков со свободой печати сильно бьет печатников, выбрасывает их на улицу", - писала газета "Дело народа" и добавляла: "Связь между большевистским режимом и безработицей в такой степени ясна, что у печатников большевизм потерял всякую почву". Новые проблемы порождала и практика национализации типографий, которая, по мнению журналиста, нанесла вред не только "буржуям", но и рабочим-печатникам²¹.

Скрытая нервозность продолжала сохраняться и в Петрограде. Рабочие были недовольны перебоями со снабжением и выплатой зарплаты. Традиционно острой оставалась ситуация на Обуховском заводе. По воспоминаниям комиссара завода А.А. Антонова, Обуховский сталелитейный завод занимал ведущее положение в системе заводов (Ижорский, Балтийский и Адмиралтейский), находившихся в прошлом в ведении Морского ведомства. Еще до октября 1917 г. он стал цитаделью умеренных социалистов. Но и в дальнейшем "задача обуховских большевиков рассеивать туман лжи и обмана, распространяемый этой сворой"²², т.е. меньшевиками и эсерами, была далека от выполнения. Большевистское руководство в своих усилиях перевести завод на производство мирной продукции попыталось опереться на органы рабочего самоуправления²³, но попытки эти в конце концов вызвали протест части рабочих-обуховцев.

Среди самих рабочих произошел раскол на тех, кто стоял на позиции Советской власти, и тех, кто поддерживал оппозицию. Некоторые исследователи полагают, что именно инициативная группа рабочих Обуховского завода стоит у истоков создания альтернативных Советам независимых рабочих организаций²⁴. Конфликт среди обуховцев обострился настолько, что 8 марта 1918 г. на объединенном заседании заводского и цеховых комитетов, демобилизационной комиссии, а также исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов Обуховского завода единогласно была принята резолюция, требовавшая исключить всех членов заводских организаций, не стоящих на платформе Советской власти. Рабочие требовали вмешательства наркомтруда А.Г. Шляпникова и предостерегали официальные власти от переговоров с "самозванными делегациями" рабочих, шедшими за оппозицией²⁵.

Но настоящий накат протестных выступлений рабочих, в том числе стачек, на подконтрольных большевикам территориях начинается с мая 1918 г. Своеобразным предупреждением властям, знаковыми в те дни становятся колпинские события. По оценке историков Г.А. Бордюгова и В.А. Козлова они наглядно продемонстрировали, по какому сценарию станут развиваться затем события по всем городам России²⁶. В Колпине рабочим протестным выступлениям непосредственно предшествовал голодный бунт, вспыхнувший в очередях за хлебом, и последовавший за ним расстрел безоружной толпы, состоявшей в основном из жен и детей рабочих, которым нечего было есть. Попытавшиеся вступить за них рабочие также были встречены выстрелами. В результате один рабочий был убит и несколько человек ранены.

События в Колпине сразу же были использованы оппозицией для атаки на правящий блок большевиков и левых эсеров. Уже 10 мая забурлил традиционно оппозиционный по отношению к власти Обуховский завод. В тот же день по инициативе колпинской и обуховской делегаций рабочих мощный митинг прошел на Путиловском заводе. На следующий день, 11 мая беспорядки в Петрограде приобрели еще больший размах. В тот день выступления рабочих прошли на Русско-Балтийском заводе, на заводе Сименса и Шуккерта, Арсенале. По сообщению оппозиционной прессы, "серия митингов, начавшихся в связи с голодом и репрессиями", перекинулась и на другие заводы. Так, на заводе Речкина рабочий митинг постановил: "Правительство, расстрелявшее рабочих, носит имя рабочего правительства. Мы призываем всех

рабочих потребовать от большевистской власти снять с себя наше имя, которым оно прикрывается", В последующие несколько дней волна протестов поднялась еще выше, и к ней подключились рабочие других заводов.

Утром 14 мая с Николаевского вокзала в Колпино отправился поезд с делегацией рабочих петроградских заводов, направлявшейся на похороны жертвы расстрела. По сообщению газет, в нее входили представители 7 крупнейших предприятий города, чрезвычайного собрания уполномоченных фабрик и заводов и общественных организаций. Власти пытались предотвратить превращение похорон в политическую акцию. Тем не менее в похоронах приняли участие более тысячи человек. По пути следования к процессии присоединялись все новые и новые люди. Во время шествия от церкви, в которой отпевали убитого, до кладбища манифестанты пели революционные песни, играл колпинский рабочий оркестр. Организация колпинских эсеров и представители некоторых петроградских заводов шли со своими знаменами. На кладбище число участников похорон возросло. Речи носили резко оппозиционный характер. На могилу погибшего лег венок с много говорящей надписью "Жертвам голодных - погибшим от сытой власти"²⁷.

Примерно в те же дни, что и в Колпино, беспорядки на почве голода произошли в другом пригороде Петрограда - Сестрорецке. Здесь, к счастью, обошлось без жертв. Беспорядки начались с того, что неуправляемая разъяренная толпа избила нескольких членов местного Совета и служащих продовольственного отдела. Рабочие выразили недоверие Сестрорецкому совету и постановили отозвать не оправдавших их доверие депутатов²⁸. По сообщению газеты М. Горького "Новая жизнь", в последние дни мая акции протеста, вплоть до замедления работ и полной их приостановки наблюдались на Александровском механическом заводе, в Главных вагонных мастерских Николаевской железной дороги, на фабрике Максвела. Постановили примкнуть к стачке рабочие фабрики Варгунина. На Невском судостроительном заводе голоса рабочих поначалу разделились. Но "стоило появиться стачечницам-женщинам фабрики Максвела, Торнтон и других с упреками, что вот, дескать, женщины бастуют, а мужчины не хотят их поддержать, как колебания исчезли, и весь завод встал". Последний всплеск массовых протестных выступлений рабочих Петрограда в 1918 г. приходится на лето, когда организованная оппозиция попыталась устроить 2 июля в городе всеобщую стачку²⁹.

Беспорядки и волна стачек прокатились и по другим регионам страны. На почве голода, безработицы, недовольства урезанием прав рабочих забастовки прошли в Клину, Коломне, Калуге, Орехово-Зуеве, Твери. В условиях начавшейся Гражданской войны это было особенно опасно еще и потому, что наибольшую активность проявляли металлисты, непосредственно связанные с оборонным комплексом страны. После выхода России из Первой мировой войны и начала конверсии металлисты пострадали особенно остро, и это вызвало рост числа их протестных выступлений.

Одним из важнейших очагов таких выступлений в промышленном Центре России становится Москва. Здесь выступления рабочих не носили такого всеобщего характера, как в Петрограде, но они особенно тревожили большевистское руководство, поскольку столица страны находилась теперь в Москве. Особым упорством отличалось сопротивление со стороны железнодорожников. До крупных столкновений дело дошло на Александровской (Казанской) железной дороге. Протестными настроениями рабочих решили воспользоваться противостоящие большевикам правые социалисты. 19 июня состоялось собрание железнодорожников, поводом для которого стало обсуждение продовольственного вопроса. Но фактически речь шла о мерах борьбы с властью большевиков. Собрание призвало рабочих Москвы и других промышленных городов к немедленной непрерывной забастовке до полной победы над существующим в России режимом. Когда собрание уже подходило к концу, в зал явился отряд вооруженных людей. Всех участвовавших в собрании арестовали, а материалы собрания были изъяты. При разгоне собрания 4 человека получили огнестрельные ранения³⁰.

В ответ на активизацию оппозиции и рост недовольства некоторых слоев рабочих, правительство пошло на арест ряда лидеров начавшихся выступлений. В ответ рабочие Александровской железной дороги приняли обращение к властям, где говорилось: "На арест наших делегатов и дальнейшие аресты рабочих представителей мы, рабочие Казанских железнодорожных мастерских, ответим единодушной забастовкой протеста". Чтобы смягчить ситуацию, власти освободили представителей мастерских Тултеевича, Варфоломеева и Горохова³¹. В воскресенье 16 июня состоялось общее собрание союза печатников Москвы, принявшее резко оппозиционную резолюцию³². Через несколько дней, 21 июня ту же позицию заняло собрание уполномоченных рабочих печатного дела. Особое негодование вызвал арест одного из старейших членов союза печатников меньшевика М.Ш. Кефали (Каммермахера)³³.

Другим крупным очагом протестных выступлений весной-летом 1918 г. становится Тула. В июне прошли забастовки на фабриках Боташева, Копырзина, Лялина. Напряженная обстановка была на крупнейших заводах города - патронном и меднопрокатных³⁴. Особенно нелегко большевикам приходилось на Оружейном заводе. Здесь сопротивление рабочих приходилось пресекать самым жестким образом вплоть до угроз закрыть предприятие. Как говорилось в обращении стоявшего на платформе Советской власти завкома Оружейного завода, "в заводском комитете имеется телеграмма, в которой ясно указано, что если производительность на заводе поднята не будет, то Оружейный завод может быть закрыт"³⁵. При этом подразумевалось, что производительность труда на предприятии упала из-за постоянных политических акций рабочих, направленных на перевыборы Совета и освобождение арестованных деятелей оппозиции. Время от времени острые конфликты вспыхивали в Туле и в последующие месяцы³⁶.

Напряженной была обстановка в Нижегородской губ. Еще в марте 1918 г. сормовские рабочие потребовали перевыборов местного Совета, а в начале мая здесь возникла однодневная забастовка. Ее причиной стала попытка организовать суд над меньшевистской газетой "Вперед", против чего рабочие категорически возражали. Следующий подъем стачечной борьбы нижегородских рабочих приходится на середину июня³⁷. Активизация стачечной борьбы заставила власти объявить в городе военное положение, а Нижегородская ЧК в специальном приказе предупреждала, что все "контрреволюционные выступления будут подавляться самым беспощадным образом"³⁸. Но это не возымело действия, и акции протеста продолжились. 18 июня в Нижнем Новгороде прошли политическая стачка и демонстрации, в которых приняли участие десятки тысяч рабочих.

Ситуация в Новгороде, Сормове и других рабочих поселках губернии характеризовалась еще и тем, что рабочие могли опереться здесь на профсоюзы. Хотя власти и контролировали Совет профсоюзов города, крупнейшие отраслевые союзы (металлистов, кожевников, торгово-промышленных служащих) были всецело на стороне стачечников. В одной из листовок союза металлистов "К рабочим металлистам Нижегородской губернии", распространенных в те дни, указывалось: "Существующие сейчас у нас Советы совершенно оторвались от масс и, прикрываясь именем рабочих, ведут политику, противоречащую интересам рабочего класса. В частности, у нас в Нижнем Совет обрушился на союз торгово-промышленных служащих, которые бастовали 18 июня... Правление выражает свой решительный протест против репрессий, принимаемых по отношению к торгово-промышленным служащим, и считает, что репрессии эти облегчают появление самой неприкрытой реакции"³⁹.

Кроме роста числа стачек, рабочий активизм середины 1918 г. выразился также и в других формах, самой "безобидной" из которых можно считать "письма во власть". В этот период получают распространение захват рабочими своих предприятий, распродажа заводского имущества и готовой продукции. Массовый характер приобретали хищения⁴⁰. О воровстве на предприятиях текстильной промышленности писала даже центральная большевистская пресса⁴¹. Хищения были широко распространены в табачной промышленности⁴². Кражи нередко происходили даже там, где

концентрировались наиболее сознательные пролетарии - на металлургических и оружейных заводах⁴³. Все это вполне можно назвать скрытой формой протеста против тяжелого материального положения рабочих и проводимого государством экономического курса⁴⁴. Не случайно нарушения трудовой дисциплины столь сурово пресекались властями и официальными рабочими организациями. Так, на фабрике товарищества Полушина рассчитанных рабочих предавали суду, как если бы они совершили уголовное преступление⁴⁵. А согласно "Правилам трудовой дисциплины", принятым на прошедшей 17 июня 1918 г. общегородской конференции профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов Твери, "хищения материалов и изделий, а также подлоги в расчетных книжках и требовательных ведомостях наказываются как **уголовные** деяния". Подчеркивалось, что виновные в этих нарушениях *"передаются народному суду"*⁴⁶.

Большой размах приобретают также погромы, в том числе винные. Так, еще в середине ноября 1917 г. в Камышине Саратовской губ. были разгромлены винные склады, начались бесчинства. Весь город представлял собой "пьяное царство". Председатель Камышинского совета попытался нормализовать обстановку и отдал распоряжение вооружить рабочих. Но, получив оружие, они сами отправлялись за водкой и присоединялись к охмелевшей и разгоряченной вседозволенностью толпе. Пьяными оказались и некоторые члены Совета⁴⁷.

Понятно, что винные погромы были лишь гримасами времени. На отчаянные поступки людей толкал голод. Поэтому самая напряженная обстановка складывалась в тех городах, которые располагались в непроизводящих губерниях, где подвоз хлеба осуществлялся издалека и власти не всегда успевали доставить его вовремя. Если брать города Европейского Центра России, то особенно плохо дело с продовольствием обстояло в текстильном крае. Весной-летом 1918 г. "русский Манчестер" потрясла серия столкновений и голодных бунтов, порой перераставших в акции политического протеста. О психологической подоплеке событий рассказывал видный участник рабочего движения Г. Горелкин. Часто главным аргументом погромщиков в Иваново-Вознесенске служили слухи о том, что "большевики гноят огромные запасы муки в городских складах, сами хозяйничают", а рабочих и их детей "морят голодом". Таким образом, к выступлениям рабочих подталкивало их неверие в справедливость новой власти, разочарование в большевиках, которые не могли дать народу того, что раньше обещали. В такие моменты, вспоминает Горелкин, "успокоить разбушевавшуюся стихию" стоило "сверхчеловеческих усилий". По его словам, "только разительные факты голодовки большевиков-фабкомовцев могли подействовать на массы". Другой успешно применявшийся способ сводился к включению в комиссии по обследованию складов "главных подстрекателей". Но все эти меры не устраняли основной причины роста бунтарских настроений - нехватки продовольствия⁴⁸.

Постепенно протест рабочих приобретал все больше масштабные и организованные формы, внушая серьезные опасения советскому руководству. Так, начавшееся еще в январе 1918 г. движение за создание независимых рабочих организаций привело к попыткам проведения в двадцатых числах июля в Москве беспартийного Всероссийского рабочего съезда⁴⁹. Как показывают материалы следствия, в нем приняли участие около 40 делегатов, представляющих Москву, Петроград, Владимир, Нижний Новгород, Сормово, Тулу, Рыбинск, Севастополь, Воткинск и другие города⁵⁰. А на Урале вспыхнуло несколько заводских рабочих восстаний. Кульминационным моментом этой повстанческой волны стало знаменитое Ижевско-воткинское восстание, в ходе которого власть большевиков оказалась уничтоженной при непосредственном участии рабочих⁵¹.

* * *

Мощь и широта рабочих протестов 1918 г. заставляют нас поставить вопрос об их причинах и характере, а также о численности вовлеченных в них рабочих. Из литературы, появившейся в последнее время, может создаться впечатление, что недо

вольство рабочих в 1918 г. было всеобщим. Такое впечатление складывается, например, при знакомстве с документальным сборником о деятельности меньшевистской партии в 1918 г. Но не стоит забывать, что все документы, помещенные в нем, родились в среде, резко оппозиционной к большевикам. Поэтому относиться к ним нужно, как и вообще ко всем источникам, критически⁵². К примеру, оппозиция утверждала, что в середине 1918 г. в движение уполномоченных в Петрограде было вовлечено около 100, а то и более тысяч рабочих, представлявших около 70 питерских предприятий⁵³. Если принять эти утверждения на веру, можно прийти к выводу, что $\frac{2}{3}$ рабочих выступали против большевиков. Однако нужно иметь в виду методику подобных подсчетов, а она заключалась в том, что учитывались все рабочие предприятия, если даже всего лишь один его представитель хотя бы раз побывал на собрании уполномоченных. Неточность такого подхода очевидна. Кроме того, в тех же источниках можно найти сведения о числе рабочих, принимавших участие в выборах уполномоченных на своих предприятиях. Лидеры движения определяют ее примерно в 60-70 тыс. человек, что сразу же дает снижение численности сторонников оппозиции среди петроградских рабочих с двух до одной трети. Однако здесь есть и еще одна неувязка, ибо даже при таком подходе получается, что в выборах уполномоченных участвовало больше рабочих, чем в выборах Советов, а это совершенно неправдоподобно.

Материалы движения уполномоченных позволяют оценить число рабочих, каким-либо образом связанных с его деятельностью весной-летом 1918 г., примерно в 25-30 тыс. человек⁵⁴. Эти данные уже вполне сопоставимы с данными, которые собраны отделом конфликтов Петроградского областного комиссариата труда под руководством видного экономиста С.Г. Струмилина. Они обобщались и публиковались в специальных статистических обзорах в разделе "Текущая статистика". Данные Струмилина носят официальный характер. Но сам он, как известно, был меньшевиком, причем отношение к Советской власти у него было далеко не самым лояльным⁵⁵. Согласно его материалам, за период с ноября 1917 г. по октябрь 1918 г. в Петрограде было зарегистрировано более 250 трудовых конфликтов, в том числе 10 крупных, приведших к остановке работ. В них приняло участие около 50 тыс. рабочих⁵⁶.

Если учесть, что на весну и лето 1918 г. приходится пик протестной активности рабочего класса, то в целом можно говорить, что в самых разнообразных выступлениях против Советской власти в разные месяцы 1918 г. участвовало от 10 до 15% рабочих. Этот процент существенно ниже, чем данные меньшевистских и эсеровских источников, но тоже достаточно высок, тем более, что речь идет об активных представителях рабочего класса. Вместе с тем ясно, что протестного элемента в рабочей среде в 1918 г. было явно недостаточно, чтобы взорвать режим изнутри. Впрочем, подсчет участников рабочих протестов еще будет продолжаться и поэтому не следует спешить с окончательными выводами.

Что же касается причин и характера протестных выступлений рабочих, то в литературе на этот счет существует как минимум две точки зрения. Некоторые современные российские авторы склонны видеть их прежде всего в экономических трудностях и голоде. Прямо противоположной точки зрения придерживается историк-эмигрант М.С. Бернштам, полагающий, что в условиях всеобщего огосударствления производства даже экономические протесты рабочих приобрели политическое звучание.

Несмотря на очевидное различие этих двух взглядов в какой-то мере можно согласиться и с тем, и с другим. Действительно, природа протестного движения в 1918г. носила достаточно противоречивый характер. Мы можем встретить у рабочих как политические, так и сугубо экономические требования. Многие выступления носили смешанный характер. В последующие годы существования Советской власти такой картины уже не наблюдается. Постепенно причины рабочих протестов явно смещаются в сторону экономических вопросов. Политические требования если вдруг

и возникают, то скорее как средства нажима на власть при решении хозяйственных вопросов, как угроза, реализовывать которую никто из рабочих всерьез не собирался. В 1918 г. за словом могло последовать и дело, как это произошло в Ижевске.

Представляется, что отмеченная специфика рабочего активизма в 1918 г. не случайна и вытекает из особенностей рассматриваемого нами периода, а именно сохранения самостоятельных, независимых от власти пролетарских организаций и обширного негосударственного сектора в промышленности. В этих условиях рабочие приобретали роль своеобразной третьей силы, от поддержки которой зависело, какая из тенденций будущего развития страны станет доминирующей. В частности, переход рабочих Ижевских заводов на сторону оппозиционных большевикам сил сразу изменил ситуацию не только в поселке, но и на Восточном фронте в целом. Вместо надежной опоры в лице уральских рабочих большевики в разгар борьбы с наступлением белочехов получили обширный анклав антиправительственного повстанчества, не говоря уже о том, что после Тульского и Сестрорецкого оружейных заводов, Ижевский был одним из важнейших объектов оборонной промышленности. Все это существенно повышает статус рабочего активизма 1918 г. по сравнению с рабочим активизмом 1919, 1920 и начала 1921 г., когда рабочие могли воздействовать лишь на очень узкий спектр принимаемых властями решений.

Большевики хорошо понимали значение развернувшегося в 1918 г. рабочего протестного движения и принимали меры по нормализации ситуации в пролетарской среде, причем меры эти носили не только насильственный характер. Там же, где власти не шли на уступки, а продолжали рассчитывать на грубую силу, они сталкивались с ростом рабочего антибольшевистского повстанчества, как, например, на Урале, или с возникновением альтернативных пролетарских организаций, как это было в Петрограде и Туле, откуда движение уполномоченных фабрик и заводов распространилось и на другие города.

Центральное правительство в Москве применяло более гибкую тактику и смогло сбить волну растущих рабочих протестов в Центральной России. В частности, вряд ли можно считать совпадением, что широкое протестное движение в европейской части России идет на спад сразу же после принятия декрета 28 июня 1918 г. о национализации всех крупных, прежде всего металлургических, предприятий. Снятию напряженности в отношениях между Советской властью и рабочими способствовала и начавшаяся интервенция, спровоцировавшая широкомасштабную Гражданскую войну. Большевики сумели убедить широкие рабочие массы в том, что именно их политика может обеспечить сохранение Россией независимости и государственной целостности.

Развитие общей ситуации в стране, а также принятые правительством меры привели к тому, что в центре России летом, а на некоторых окраинных территориях осенью 1918 г. протестный активизм рабочих пошел на спад. И когда в начале следующего, 1919 г. обозначился его новый подъем, он все же развивался уже на совершенно другой почве, под другими лозунгами и в других формах, чем в 1918 г., причем накал его был значительно ниже.

Примечания

¹ В современной историографии рабочий активизм не имеет какого-то однозначного определения. В работах ряда историков это понятие означает самые разнообразные локальные проявления самостоятельной активности рабочих на политической, социальной, экономической или какой-либо иной почве. Проявления локального активизма могут и не иметь сиюминутно значимого результата в масштабах всего общества, но в перспективе они способны серьезно воздействовать на расстановку социальных сил и на характер диалога между ними. Кроме того, нередко начинавшиеся как сугубо локальные действия рабочих перерастали затем местные рамки и приобретали широкий общенациональный характер. В данной работе рабочий активизм будет трактоваться именно в этом ключе.

² См. напр.: Панкратова А.М. Политическая борьба в российском профдвижении. 1917-1918. Л., 1927; Гриневич В. Профессиональное движение в России. М., 1923; А л у ф А. Большевизм

и меньшевизм в профессиональном движении. Л., 1926; Козелев Б. Как большевики боролись за руководство профсоюзами. М., 1928; Спиридонов М.В. Политический крах меньшевиков и эсеров в профессиональном движении (1917-1920 гг.). Петрозаводск, 1965; Метельков П.Ф. Железнодорожники в революции. Февраль 1917 - июнь 1918. Л., 1970 и др.

³ Голубых М. Уральские партизаны. Свердловск, 1924; Подшивалов И. Гражданская война на Урале 1917-1918 годов: опыт военно-исторического исследования. М., 1925; Сергеев В. Ижевск в огне гражданской войны 1917-1918 года. Ижевск, 1927; Владимирова В. Год службы "социалистов" капиталистам. Очерки по истории контрреволюции в 1918 г. М.; Л., 1927; Г о л е н - к о в Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1975; Гусев К.В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М., 1975; В е р х о с ь В.П. Красная гвардия в Октябрьской революции. М., 1976; Жуков А.Ф. Идеино-политический крах эсеровского максимализма. Л., 1979 и др.

⁴ Г а н (Г у т м а н) А. Россия и большевизм. Ч. 1. 1914-1920. Шанхай, 1921; Кроль Л. За три года. Воспоминания, впечатления и встречи. Владивосток, 1922; Уповалов П. Рабочее восстание против Советской власти // Заря (Берлин). 1923. № 3-7; Аронсон Г. Россия в эпоху революции. Исторические этюды и мемуары. Нью-Йорк, 1966; Ефимов А.Г. Ижевцы и воткинцы. Борьба с большевиками. 1918—1920 гг. Конкорд, Калифорния, 1975; Урал и Прикамье (ноябрь 1917 - январь 1919). Документы и материалы / Редактор-составитель и автор комментариев М.С. Бернштам. Париж, 1982; Г а р в и П. Профсоюзы и кооперация после революции (1917-1921). Chalidze Publications. 1989 и др.

⁵ См. напр.: Подболотов П.А., Спирин Л.М. Крах меньшевизма в Советской России. Л., 1988; Дмитриев П.Н., Куликов К.И. Мятеж в Ижевско-Воткинском районе. Ижевск, 1992; К и ш и л о в В.Е. О роли различных факторов в формировании политической позиции российских рабочих в 1917-1921 гг. // Власть и общество в России в первой трети XX века. М., 1994; Х о д я к о в М.В. Социалистическая оппозиция Советам: чрезвычайное собрание уполномоченных фабрик и заводов Петрограда (март-июль 1918 г.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. Вып. 2. СПб., 1995; Леонов С.В. Рождение Советской империи; государство и идеология 1917-1922 гг. М., 1997; Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России. Власть и массы. М., 1997; Клоков В.А. Большевики на выборах в городские Советы центральной России весной 1918 г. // Большевики и меньшевизм. Сб. ст. М., 1998 и др. К сожалению, следует констатировать, что сегодняшний этап изучения положения рабочих в первый год становления Советской власти не свободен от политической конъюнктуры. Не случайно первые публикации, специально посвященные рабочему протестному движению 1917-1918 гг., появились сначала не в серьезных академических журналах, а в молодежном самиздате (см.: Ильин С. Независимое рабочее движение в 1918г. // Община. 1990. № 40).

⁶ См., например, краткий историографический обзор с упоминанием еще не разобранных проблем, который содержится в ст.: Ненароков А.П., Павлов Д.Б. Движение рабочих уполномоченных 1918-1921 гг.: проблемы изучения // Политические партии России. Страницы истории. М., 2000.

⁷ Питерские рабочие и "диктатура пролетариата". Экономические конфликты и политический протест. СПб., 2000.

⁸ Газета Временного рабочего и крестьянского правительства. 1917. 25 ноября; Государственный архив Тульской области (далее ГА ТО), ф. 1012, оп. 1, д. 39, л. 131-133; Государственный архив Ивановской области (далее - ГА ИО), ф. 730, оп. 1, д. 34, л. 7-9 и др.

⁹ См. напр.: ГА РФ, ф. 382, оп. 6, д. 287, л. 3.

¹⁰ Обстоятельный, с современных позиций социальной и психологической истории анализ причин, по которым рабочие пошли за большевиками в этом вопросе, содержится в монографии: Яров С.В. Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917-1923 гг. СПб., 1999. С. 82-96. Правда, автор несколько преувеличивает влияние большевистской агитации на рабочих. Если не ограничиваться рамками Петрограда, а привлечь материалы по другим регионам, станет очевидно, что и большевики были вынуждены учитывать настроения рабочих, в частности их нежелание жертвовать органами своего самоуправления во имя торжества идеи Учредительного собрания (см., например, позицию рабочих Иваново-Кинешемского текстильного края: ГА ИО. ф. 730, оп. 1, д. 36, л. 6-7 об.).

¹¹ Чернов В.М. Перед бурей. Воспоминания. М., 1993. С. 359-360.

¹² ГА РФ, ф. Р-9550, оп. 10, д. 628, л. 1.

¹³ Там же, д. 915, л. 1.

¹⁴ Там же, д. 1004, л. 1.

¹⁵ Дело народа. 1918. 18 января. ¹⁶ Известия. 1918. 17 марта.

¹⁷ Я р о в С.В. Горожанин как политик. Революция, военный коммунизм и нэп глазами петроградцев. СПб., 1999.

¹⁸ См. напр.: Центральный архив ФСБ РФ (далее - ЦА ФСБ), ф. 1, оп. 2. д. 126, л. 61.

¹⁹ ГА РФ, ф. Р-7952, оп. 3, д. 100. л. 82.

- ²⁰ Там же, ф. 6864, оп. 1, д. 122, л. 339.
- ²¹ Дело народа. 1918. 10 апреля.
- ²² Донесения комиссаров Петроградского Военно-революционного комитета. М., 1957. С. 206.
- ²³ Российский государственный архив экономики (Далее - РГАЭ), ф. 3429, оп. 2, д. 97, л. 2-2 об.
- ²⁴ Независимое рабочее движение в 1918 году. Документы и материалы. Париж, 1981. С. 58.
- ²⁵ РГАЭ, ф. 3429, оп. 2, д. 97, л. 9. Заметим, что текст резолюции, принятой на заседании активистов традиционных пролетарских организаций, помимо всего прочего, в определенном смысле подтверждает точку зрения М.С. Бернштама, особо выделяющего рабочих-обухоцев в создании альтернативных рабочих организаций. Она также проливает свет на довольно запутанный в современной историографии вопрос о времени возникновения движения уполномоченных фабрик и заводов Петрограда.
- ²⁶ Бордюгов Г.А., Козлов В.А. "Военный коммунизм": ошибка или "проба почвы"? // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства. М., 1991. С. 63.
- ²⁷ Независимое рабочее движение в 1918 году. С. 119-133.
- ²⁸ Дело народа. 1918. 14 мая.
- ²⁹ См.: Незвестная антибольшевистская забастовка // Вестник "Мемориала". СПб., 1995. № 4-5; Питерские рабочие и "диктатура пролетариата". С. 141, 142, 143 и др. В последующие годы Петроград время от времени также переживал массовые выступления рабочих. Наиболее известные из них происходили в начале 1921 г., т.е. в канун кронштадтских событий. Но подобные массовые выступления случались и ранее, к примеру весной 1919г. (см., напр.: ЦА ФСБ, д. Р-47839, л. 7).
- ³⁰ ГА РФ, ф. 6935, оп. 7, л. 291.
- ³¹ Новое дело народа. 1918. 18 июня.
- ³² ГА РФ, ф. 6864, оп. 1, д. 154, л. 4.
- ³³ Там же, д. 122, л. 355-356.
- ³⁴ ГА ТО, ф. 1012, оп. 1, д. 39, л. 129.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ См. напр.: РГАСПИ, ф. 17, оп. 112, д. 3, л. 17 и др.
- ³⁷ ЦА ФСБ, ф. 1, оп. 2, д. 127, л. 209-211.
- ³⁸ Победа Октябрьской социалистической революции в Нижегородской губернии. Сб. док. Горький, 1957. С. 513.
- ³⁹ ЦА ФСБ, ф. 1, оп. 2, д. 126, л. 213.
- ⁴⁰ Г у х м а н Б.А. Производительность труда и заработная плата в промышленности СССР. М., 1925. С. 143.
- ⁴¹ Правда. 1918. 30 октября.
- ⁴² К и с е л е в А.Ф. Профсоюзы и Советское государство (дискуссии 1917-1920 гг.), М., 1991. С. 131.
- ⁴³ ГА ТО, ф. 1012, оп. 1, д. 30, л. 16; д. 23, л. 43, 73, 81 и др.
- ⁴⁴ Кражи эти напоминали кражи крестьянами помещичьего леса, сена и т.п., в основе которых также лежала причудливая смесь нужды и обостренного чувства несправедливости. Интересно, что на Западе кражи инструментов рабочими могли носить и совершенно иной характер. Так, по мнению А. Людке, подобные факты являлись проявлением эгоизма рабочих, из стремления психологически дистанцироваться от своих товарищей. (См.: Людке А. Полиморфная синхронность: немецкие индустриальные рабочие и политика в повседневной жизни // Конец рабочей истории? / Под ред. М. ван дер Линдена. М., 1996. С. 83).
- ⁴⁵ ГА ИО, ф. 701, оп. 1, л. 41 об.
- ⁴⁶ Известия Тверского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1918. 29 июня.
- ⁴⁷ Канищев В.В. Русский бунт - бессмысленный и беспощадный. Погромное движение в городах России в 1917-1918 гг. Тамбов, 1995. С. 125.
- ⁴⁸ Труд и профсоюзы. 1927. № 10-11. С. 61.
- ⁴⁹ ЦА ФСБ, ф. 1, оп. 2, д. 127, л. 204.
- ⁵⁰ Там же, д. 126, л. 21, 21 об., 22, 22 об.
- ⁵¹ См.: Ижевский защитник. 1918. 28 августа.
- ⁵² См.: Меньшевики в большевистской России. 1918-1924 // Меньшевики в 1918 году. М., 1999. С. 108, 547, 549-553, 555 и др.
- ⁵³ ЦА ФСБ, д. Р-27678, л. 136.
- ⁵⁴ Там же, л. 136, 136 об., 137.
- ⁵⁵ См. о нем: У р л о в И.Х. 1917 год в письмах и воспоминаниях меньшевиков (проблема подлинности и достоверности источников) // Академик П.В. Волобуев. Неопубликованные работы. Воспоминания. Статьи. М., 2000.
- ⁵⁶ См.: Трудовые конфликты в Советской России 1918-1929 гг. М., 1998. С. 31.